

«ДРУГОЕ» ВРЕМЯ КИСЕЛЕВЫХ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ К ЧЕХОВУ)

Р.Б. Ахметшин

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва,
Россия; ahtmad-jin@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются письма к А.П. Чехову его знакомых — писательницы М.В. Киселевой и ее мужа А.С. Киселева, земского начальника Звенигородского уезда. Хронологически эта коллекция охватывает наиболее значительный этап писательской биографии — с 1886 по 1900 годы — и пронизывает многие стороны жизни Чехова в пределах бабкинской округи и звенигородского земства. В это поле втягиваются персонажи, в различной степени соприкоснувшиеся с Чеховым (их свидетельства, пока не разысканные, вероятно, ждут своего часа; источником этих ожиданий являются, в частности, воспоминания П.А. Архангельского), и масса эпистолярных и мемуарных документов (письма и воспоминания писателей, младших Чеховых, бумаги из архива Н.В. Голубевой, сестры Киселевой, и мн. др.). 109 киселевских писем представляют собой ценность, скорее, свойством бытовой нарочитости: «неписательских» писем здесь гораздо больше, но и заурядной бытовой тавтологичности в них тоже не чувствуется. Неизбирательное отношение к ним позволяет иначе взглянуть на общую прагматическую (рассказы Алексея Сергеевича о служебных буднях земства, жалобы обоих на безденежье и недуги, открытия Марии Владимировны относительно ее мистических состояний) и языковую (утрированный анекдотизм, картинность описаний, пристрастие к языковой игре и шутке) природу писем Киселевых к Чехову, уточнить периферию писательской биографии, выдвинуть как гипотезу альтернативное понимание чеховской сюжетности, а также проливает дополнительный свет на условия жизни Чехова и его семьи, дает возможность новой интерпретации перипетий литературного творчества писателей разного уровня, истории создания их текстов, прототипов героев и стилевых форм.

Ключевые слова: биография; писательская переписка; Чехов; Киселевы; Сахалин; прототип; событие; течение жизни

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-11

Для цитирования: Ахметшин Р.Б. «Другое» время Киселевых (по материалам неопубликованных писем к Чехову) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 140–151.

THE DIFFERENT TIME OF THE KISELYEVS (ON THE MATERIALS OF UNPUBLISHED LETTERS TO CHEKHOV)

Ruslan Akhmetshin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ahmad-jin@mail.ru

Abstract: The article deals with the letters of A. Chekhov's friends, the writer M. Kiselyeva and her husband A. Kiselyev, Head of Zvenigorod zemstvo, to Chekhov. In chronological order this collection covers the most significant period of Chekhov's biography, from 1886 to 1900, and unfolds many aspects of his life in the Babkino area and Zvenigorod zemstvo. There were many persons who came into different contacts with Chekhov (their notes, though not found and studied so far, do wait in the wings; in particular, one source is P. Arkhangelsky's memoirs). There were many epistolary and memoir documents (contemporary writers' letters, the young Chekhovs' letters, N. Golubeva's (M. Kiselyeva's sister) notes, and many others). The Kiselyevs' 109 letters can be regarded valuable in terms of their deliberate mundane character as there are more 'non-literary' letters but at the same time they are not trivial at all. This fact enables the researcher to have a different perspective on somewhat pragmatic (A. Kiselyev's stories about the zemstvo's everyday routine; M. Kiselyeva's stories about her mystical visions; their complaints about their financial and health problems) and linguistic (word play, puns, vivid descriptions, life events presented as jokes) character of the Kiselyevs' correspondence with Chekhov, and to extend the borders of the writer's biography. Thus a different understanding of Chekhov's storylines can be suggested. These letters also reveal some aspects of the life of Chekhov and his family members; they enable the author to interpret variously literary legacy of various writers, to consider the stories of their works' creation, the characters' prototypes and artistic forms from a different angle.

Keywords: biography; writers' correspondence; Chekhov; the Kiselyevs; Sakhalin; prototype; event; life routine

For citation: Akhmetshin R.B. (2023) The Different Time of the Kiselyevs (on the Materials of Unpublished Letters to Chekhov). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 140–151.

Жизнь увлекательна картинностью, одной из граней которой может быть литературность. Последняя же мимолетна: сравнивая происшедшее с эпизодом из романа (или анекдота), мы фиксируем закат «литературной» карьеры события.

1 декабря 1897 г. М.В. Киселева писала Чехову: «Летом к нам заглянула <...> знакомая Марии Павловны <Чеховой> <...> По ее просьбе, Алек<сей> Сер<геевич>¹ водил ее показывать флигель, где

¹ Киселевы — бабкинские помещики: владелец имения Бабкино под Воскресенском Киселев Алексей Сергеевич (1841–1910), помещик, представитель извест-

Вы, когда-то, жили, а я сказала: гм!... Ни имени, ни отчества, ни фамилии сей особы — не знаем»². Это была, скорее всего, первая в истории чеховедения экскурсия. На попытку примерить к жизни анекдот Чехов из Ниццы ответил зарисовкой: «Здесь тепло и тихо, ни одного облачка <...> мне ясно представляется Вы и Алексей Сергеевич. Здесь очень хорошо, но тем не менее все-таки я с удовольствием провел бы Рождество не здесь, а в Бабкине, которое мне так мило и дорого по воспоминаниям» [П. VII, 133]³.

Бабкино и воскресенская округа неслучайно привлекает внимание исследователей чеховского творчества сразу после смерти писателя⁴. Но письма Киселевых, оставаясь в тени чеховских, так и не освоены, и эта избирательность мешает разобраться в мироощущении, которое определяет новые грани биографических представлений, создает перспективу, в пределах которой мог бы обрести смысл и этот бесполезный пока материал: «...переписка подлежит изучению, так как связь с Киселевыми и впечатления от Бабкина имели многообразное значение для творчества Чехова» [ЛН-68, 574].

Дружба с Киселевыми — одно из самых свежих и долгих впечатлений в жизни Чехова, особенно в свете итогов сахалинской поездки. Их письма обладают особенным эстетическим наполнением и бытовыми свойствами (типической и нетипической природы). Потому Чехов и берег бабкинские впечатления.

Исследование переписки может начаться с простого — статистических аспектов корпуса. Чехов довольно долго состоял с Киселевыми в переписке. Дольше только с братом Александром, Сувориным

ного дворянского рода, ведущего начало от военачальника Свентолдича (Свентольдия) Киселя, во времена Владимира Мономаха «начальника надъ войскомъ Княжества Киевскага», и Андрея Киселя, также «Начальника Киева», убитого поляками «во врѣмя взятія» города (см.: НИОР РГБ. Ф. 129 (Киселевы), к. 1, е. х. 5, л. 1), служил земским начальником Звенигородского уезда; его жена Киселева Мария Владимировна (1847–1921) — писательница, сотрудница журналов «Детский отдых», «Родник», старшая дочь В.П. Бегичева, директора Московской конторы императорских театров. Сохранилось 35 писем Чехова к Киселевой и 19 писем — к Киселеву. Их письма (78 — Киселева и 31 — Киселевой: некоторые из писем содержат приписки супругов, а также их дочери Александры) к Чехову хранятся в НИОР РГБ.

² Письмо написано 1 декабря (НИОР РГБ. Ф. 331, к. № 47, е.х. 486. Письма М.В. Киселевой к А.П. Чехову (1888–1890, 1892–1893, 1895, 1897, 1900 гг.). Л. 27.). Чехов ответил из Ниццы 25 декабря 1897 г. (6 января 1898 г.).

³ Тексты А.П. Чехова цитируются по изданию: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1974–1982 — с указанием в скобках серии (П. — письма, С. — сочинения), тома и страницы.

⁴ См. в связи с этим, например, разделы «В восьмидесятые годы», «В Бабкине», «В Чикине», «Воспоминания д-ра Архангельского» [Соболев].

и некоторыми другими персонами. Коллекция киселевских писем конкурирует по объему с лейкинской, брата Александра, В.В. Билибина, образуя круг наиболее интенсивной переписки. Это период с 1886 по 1900 г. Уезжая на Сахалин, Чехов оставлял за спиной и Бабкино. Анализируя, кому он писал с дороги, обнаруживаем в полученной картине бабкинское «тяготение». С апреля по декабрь 1890 г. написано 53 письма (и восемнадцатью из известных нам архивы не располагают [П. IV, 562–564]). На фоне 33 писем к Чеховым из всего сибирско-сахалинского корпуса доминируют только суворинские, однако если оставить в стороне Чеховых как адресата и сравнить одно письмо к Ивану Павловичу и одно — к Александру с тремя письмами к Киселевым, картина изменится. Характерные припоминания (н-р, «Во время дождя Ярославль кажется похожим на Звенигород...», [П. IV, 65]) усилят «тяготение».

Речь, тем самым, идет о ценности, которую Чехов приобрел в глазах Киселевых. Фон ее может быть разнообразным, но оценка подчиняется принципу обоюдности: Киселевы начали сохранять письма Чехова еще с 1885 г. Поэтому необходимо описать киселевский материал вне чеховоцентричной перспективы: сплошное, непредвзятое изучение обнаруживает источник для разработки методов истолкования биографического материала. Здесь на первом плане оказываются изображенные реалии (например, прозвище гувернантки «Вафля», подаренное герою «Дяди Вани», или перипетии с лошадкой Тоби, припоминаемые Киселевым *post factum* в мелиховские годы), а затем и стилистические подробности, ведущие к пониманию языка писателя.

Бабкинско-воскресенские прототипы, отсылающие ко множеству рассказцев и юморесок вплоть до ситуации с именем-садом, продаваемым за долги, и пензенской, правда, тетушкой, изучены [Вокруг Чехова, 225–229; ЛН-68], но не создают эффекта полноты и не позволяют судить о сущности сюжета, бытовании его в биографии писателя, об избирательном отношении Чехова к своим впечатлениям. А это самое важное — увидеть за частными деталями закономерности общего. Общим представлением мы не располагаем: объемные выдержки из киселевских писем в комментариях к ПССП не избавляют наши представления от разрозненности.

В письмах А.С. Киселева, балагура и любителя импровизации, житейское содержание, представленное как пережитый материал, граничит с шуткой. Как с иностранцем пытаются говорить на его языке, срываясь через слово на родной, свой, так и с комическим писателем заговаривают на языке сугубо комическом. Особенно если ты любишь шутку и твой тесть не только мастер, но и герой

десятков анекдотов⁵. Так в письмо проникает стихия анекдота, вытесняя необходимое содержание, более важное, чем высосанные из пальца остроты и ерничанье. Это не значит, что Киселевы пребывали вне комической эстетики, были ниже ее с точки зрения чеховского канона. Любя смех, Антон Павлович, кажется, с удовольствием делил его с собеседниками. Исключение составляли личности вроде П.А. Сергеевко, которого Чехов прозвал «погребальными дорогами стоймя» [ЧВС, 498, см. также 326–327]. Общество Киселева было отчасти приятным, но его письма, отделенные от живой непосредственности и фатической энергичности их автора, производят сегодня иное впечатление — особенно на фоне чеховских. Безусловно проигрывая в конкуренции по правилам чеховской иронии, Киселев словно навязывал общению свое понимание содержательного в шутке. В таком упражнении языка, форсировании усилий остроумия, проявлялось иное качество, словно Киселев работал над каким-то своим заданием. В этих рамках любопытно рассмотреть столкновение языковых потребностей разных по эстетическому складу людей.

«Разница между моими письмами и Вашими, дорогой Антон Павлович, та, что Вы мои можете смело читать барышням, а я Ваши должен по прочтении бросать в камин», — картинно возмущался 21 января 1886 г. Киселев⁶. Разница в миропонимании устанавливается в процессе игры, формами которой пропиталась бабкинская жизнь: борьба за грибные и ягодные поляны, рыбные места, соперничество в ухаживании за дамами, шутливый шпионаж и скандалы, устраиваемые друг другу на этой почве, трансформация момента жизни в комический эпизод, домашние спектакли — все это образует обширнейший дачный топос, в который втягиваются многие

---

⁵ Владимир Сергеевич Лихачев (1849–1910), поэт и переводчик, в своей мемуарной коллекции литературных портретов «Сценические деятели» и «Беседы о театре», едва заходит у него речь о Бегичеве, сбивается на анекдот: «Известный в свое время, сначала как переводчик и переделыватель французских водевилей, а потом как начальник московских казенных театров, на правах директора, В.П. Бегичев стяжал параллельную славу большого ходока по части успехов у женского пола. Болеслав Маркевич полностью изобразил его в своей трилогии “Четверть века назад” — “Перелом” — “Бездна” под именем Ашанина. Это был действительно писанный красавец, как он значится у Маркевича, и таковым он оставался до последних дней своих. А любовным похождениям его нет числа. Будучи в этом истинным спортсменом, он не довольствовался личными подвигами, но интересовался и другими. Подчиненные прекрасно, разумеется, знали его слабую струнку и беззастенчиво на ней играли» (РГАЛИ. Ф. 282 (Лихачев Владимир Сергеевич), оп. 1, е.х. 33, б.д., л. 90).

⁶ НИОР РГБ. Ф. 331, к. № 47, е.х. 456. Письма А.С. Киселева к А.П. Чехову (1886). Л. 4.

интересующие нас герои чеховской биографии и далеко не одни лишь летние ситуации.

Рыбной ловле непременно присочинялась какая-нибудь любовная история (отражено в мемуарах Н.В. Голубевой, сестры Киселевой [ЛН-68, 557–574]). В «Романе с контрабасом» (1886) это важный структурный элемент: юмореска обретает более точный лирический колорит и бытовое обоснование («Летом, пожалуй и милые люди не милы; река, пруд, лес, Ефимоновские караси, Божаровский омут... кого не отвлекут все эти прелести? — а зимой!.. Теперь, в Москве небось и Вы жантильничаете с Машенькой — летом же преблагополучно удирали от нее. Жалею, что не пришлось мне сравнить, кто сильнее, летние удовольствия, или Эфрос, что касается настоящей М^{ме} Сахаровой <...> новые рыбы и прогулки происходили у Вас в блаженном “тет-а-тете” — для меня только неясно — сама ли она шла за Вами, или Вы приглашали.... Господь Вас знает! — Я пишу Вам вздор, потому что мне ужасно скучно <...> Ел<изавета> Ал<ександровна> <Вафля — Р.А.> зевает так, что видно до самого желудка»⁷, — писала Киселева 7 декабря 1886 г.). «Божаровский омут» — неременный атрибут воспоминаний и рекламы Бабкина в письмах Киселевых, еще задолго до Масленицы начинавших звать Чеховых. В речевом и поведенческом тезаурусе рыбной ловли разграничить детали южного и северного опыта — крайне любопытная задача.

Дополнительный смысл обретает и «Рыбья любовь», где влюбленный карась (почти «пискарь», философствующий о смерти) заражает поэта пессимизмом. Точных композиционных стыковок быть не может, ведь эпистолярное сообщение продолжается в литературе (и наоборот) на условиях игры, да и навязать биографии эпистолярный параллелизм трудно. Но вот немота дочери Саши (в бабкинском обиходе Василисы), пережившей острую тревогу несостоявшегося замужества... Потрясение нередко доводит человека до растерянности немоты, и Киселева пишет о Саше как о рыбе: «Саша. Эта мамзель изобразила из себя Тит Титыча Брускова. “Ндраву моему не препятствуй!” — Совершенно так же как Ваша Вера в “Родном углу” — от скуки и скверного настроения дала согласие идти замуж

⁷ НИОР РГБ. Ф. 331, к. № 47, е.х. 48а. Письма М.В. Киселевой к А. П. Чехову (1886–1887), лл. Зоб.-4. Припоминания сопровождалась шутливыми угрозами и шантажом: «На Вашу беду, память у меня отчаянная, я помню каждое слово, каждый взгляд, каждое движение и... из всего вывожу свое заключение. Если Вы не хотели, чтобы я подозревала о Ваших заслугах, — Вам надо было остерегаться меня. Приедете летом, я Вам представлю все Ваше лицемерие в лицах и в особенности в тот вечер, когда Яшенька и Эфрос были вместе. О боги! что это было!!» (28 марта 1887 г. — Там же, л. 13).

совсем не любя. Она сознала тотчас же весь ужас своего положения, но, отступить не хватало мужества и она упорно, злобно настаивала на своем. Родители, окончательно, свяли. С отцем дурноты, мать всю разнесло. Все дело расстроил случай и бедная девочка вздохнула с наслаждением рыбы, снова пущенной в воду...»⁸.

Анекдотизм писем Киселевых чреват злобой дня и заставляет всматриваться в обитателей Бабкина, в каждый эпизод их «жизнь-бытья». Многие героини писем переживают сложную художественную реинкарнацию. Непростая судьба Елизаветы Александровны Ефремовой (Вафли), ее вовлеченность в киселевский быт, утомленность Киселевых ее эпатажирующими привычками [ЛН-68, 567] — свидетельство редкой (в сравнении с «Попрыгуньей») непрямой линии Чехова. Она, скорее, исключает ассоциации с «Дядей Ваней» и ведет к гувернантке Шарлотте Ивановне (Е.А. прекрасно музицировала на фортепиано, что могло удерживать ее рядом с Киселевой, в прошлом ученицей А.С. Даргомыжского) и другим экзальтированным героиням.

Важен и момент домашнего спектакля, подготовки к представлению и неизбежной нервозности, возбужденности, задающей тон в «Чайке». Это обстоятельство проявляет конструктивные элементы в пьесе, возникшей словно из ничего, что, конечно, неправдоподобно. Драма может создаваться быстро (свойство работы Чехова), но складывается она годами.

С этим связан и каркас сцены бала в «Вишневом саде», восходящей к другому бабкинскому мотиву, звучащему в сценах домашнего праздника «Трех сестер». Безденежье не дает повод для отказа от праздника в минуту невеселую. Письмо от 25 сентября 1886-го Киселев начинает с вопля-просьбы стать «агентом литературных произведений Pince-nez⁹ <...> моей благоверной» и запродать ее сочинения: «Отдайте в Будильник, Сверчок или в какой-либо другой подобный журнал. Гонорар по Вашему усмотрению...». При этом он сообщает о хлопотах по случаю именин сына: «приедут к обеду Рукин сам двадцать и пожалуй кто-нибудь из воскресенских. Каков должен быть пирог? В особенности для Рукиных, которые себя морили голодом целую неделю <...> Михаил Петрович пишет, что больше водки не пьет, удовольствуется <так — Р.А.> пивом, в количестве сорока бутылок в день. И эта новость раздражила

⁸ НИОР РГБ. Ф. 331, к. № 47, е.х. 486. Письма М.В. Киселевой к А.П. Чехову (1888–1890, 1892–1893, 1895, 1897, 1900). Л. 29.

⁹ Псевдоним М.В. Киселевой [Масанов, 329].

Елиз<авету> Алек<сандровну>, зашипела еще больше»¹⁰ [НИОР РГБ. Ф. 331, к. 47, е.х. 45г, лл. 17–18]. Здесь возникает интонационный поворот не только к «Дяде Ване», но и к «Иванову», на премьеру которого Киселев был приглашен и в театре, поддавшись общему возбуждению, «ни с того ни с сего схватил себя за голову и очень искренно возопил: “Что же я теперь буду делать?”» [П. II, 154]. В ноябре 1891-го он пытался дать вторую жизнь сценке В.П. Бегичева «Светские жмурки» [НИОР РГБ. Ф. 331, к. 47, е.х. 45г, лл. 6, 6 об.], на что Чехов ответил сдержанными рекомендациями [П. IV, 311–312].

Бабкинский образ жизни дан в формах эллиптического письма, проявляющихся в умолчании. Рассказывая, Киселевы умудряются ничего не сообщать — события опускаются, читатель вынужден довольствоваться их переживанием. Найти значимое сообщение в этом «вздоре» непросто.

Так складывается почти лирическая ситуация отложенного сообщения. Иногда после затянувшейся паузы, спеша поделиться впечатлениями с адресатом, мы обещаем подробный рассказ, а «сейчас» даем лишь их абрис. И более к ним не возвращаемся. Однако откладывается рассказ и когда автор письма лишен эпической потребности. Он не рассказывает вовсе, потому что рассказывать не способен — он *считает*, что рассказывает. Это, вероятно, некое свойство характера и форма протокольности, которая поглощает, втягивает даже и сообщения о намерениях, планах, то есть о будущем (рассказ «На святках», 1900). В письмах Киселевых мало информации, они еще и фатически непитательны, скучны своей эмоциональностью, а порой даже тягостны. Человек нерассказывающий есть некое продолжение обыденности, не замечающей течения, перекаатов жизни, и Чехов, кажется, неплохо изучил его тип, воссоздавая и в прозе, и в пьесах иллюзию смысла. Это есть и в массе других писем, конечно, но такой убедительности достигает редкая коллекция¹¹, а киселевский фонд достаточно репрезентативен.

---

¹⁰ Или письмо от 17 мая 1892 г., адресованное хозяину Мелихова: «Как завидую Вам, что доходы у Вас превышают расходы, а у меня наоборот, всегда недостача и почти постоянно в кармане ни копейки. Научите, как и чем увеличить доходы, теперь в особенности они нужны. Z Сегодня нанял я горничную 19-ти лет, вряд ли ей придется в этом звании, легко, может быть, увлекусь этим милым созданием и тогда не минует расход: наем квартиры, обстановка, месячный куш для прожития и проч. Тогда открывайте кредит из Ваших излишних доходов» [НИОР РГБ. Ф. 331, к. 47, е.х. 45г, Письма А.С. Киселева к А.П. Чехову. 1891–1892 (Бабкино, Москва, СПб., Калуга), лл. 21, 21 об.].

¹¹ Как бы ни был интересен для Чехова, скажем, Д.В. Григорович, 6 чеховских писем и 7 — Григоровича свидетельствуют об исчерпанности их взаимного тяготения, возникшей, кажется, преждевременно. Дружба с Киселевыми в этом отношении создала более длинную историю.

В связи с этим вспоминается еще одно свойство повествовательной манеры, обнаруживающей себя в отказе Чехова быть летописцем происходящего, что нередко истолковывается как художественное открытие, — лаконизм, бесфабульность, коммуникативное бессилие. На загадку чеховской интонации прижизненная критика и литературоведение ответили парадоксом, словно Чехов рассказывает, ничего при этом не сообщая. Правда, писатель и сам способствовал зарождению данного представления: «Не зализывай, не шлифуй, а будь неуклюж и дерзок. <...> любовные объяснения, измены жен и мужей, вдовьи, сиротские и всякие другие слезы давно уже описаны. Сюжет должен быть нов, а фабула может отсутствовать», — Ал. П. Чехову [П. III, 188]. Думается, стилевая специфика киселевского письма вносит в эту до сих пор не до конца понятую ситуацию новый мотив.

Отрицательная формула повествовательной модели Чехова на фоне киселевских переживаний дополняется смысловыми оттенками. Киселевское письмо создает образец регламентации и едва ли не бестактности: абстрактно-протокольные подробности безденежья и фигуры умолчания относительно свежих новостей усилены клоунадой и почти скабрёзными подробностями.

Чехов в письмах почти всегда содержательно тактичен и не заставляет нас придумывать непонятно как возникающие переживания. Он комически рисует самые острые минуты и события; удел Киселевых — лишь редукция этой драматичности, да и сюжетности (вот где подлинная бессобытийность!). И убеждение, что они существуют в отчаянном положении («Голодная собака верует только в мясо <...> Так и я... могу только про деньги» [С. XIII, 229]), остается под подозрением как форма самооправдания: «Если Ваш кошель в хорошем состоянии и Вы можете уделить мне что-либо, то буду очень благодарен. Сейчас предстоит сделать расход не требующий отлагательства и сам должен ехать в Москву, а у меня даже на билет нет ни гроша. По возвращении могу Вам отдать эти деньги <...>» [б.д., вероятно, канун нового 1886 г. НИОР РГБ. 331, к. 47, е.х. 45в, л. 36].

Если же рассматривать иронию А.С. и М.В. от отчаяния, трудно решить, поймет ли читатель, когда положение действительно отчаянное, а когда герою письма кажется, что оно отчаянное. Знать разницу может только посвященный в более-менее интимные факты личной жизни. И Чехову, по всей видимости, это право Киселевы предоставили. Это даже по обращению с детьми видно, по тому, что Чеховым в 1888 году был доверен их сын Сережа, в разлуке с которым М.В. умирала от тоски и беспокойства. Медицина приближала Че-

хова к Киселевым, позволяя ему судить о многих вещах изнутри. Диагност Чехов умел судить о людях не только по их поступкам, но собирал картину из массы случайных штрихов. Сомневаться в этом нет нужды, но понимание органичности этого явления требует привлечения иных, чем один только анализ поэтики, методов. Один из них, кажется, кроется в обращении к эго-литературе (и это не совсем поэтика жанров письма, дневника и пр., так как ее интересы заслоняются вопросами контекста).

В пору бабкинской жизни изменилось качество чеховского юмора, изменился его стиль. Восхищаясь Бегичевым, храня «каплю жалости» к Б. Маркевичу [П. I, 100, 103], товарищески сблизившись с персоналом Чикинской лечебницы, накоротке знакомый со многими жителями уезда, но душевно привязанный к Бабкину, Чехов знал, какова цена киселевских печалей, вес их слова. И, стремясь в каком-то смысле к этому образу жизни, постепенно осознавал, в чем заключается риск такой оседлости и источник отчаяния. В его представлении быстро укреплялось ощущение инаковости всего, с чем он сталкивается. Возможно, это раскроется в полной мере, когда будут сопоставлены письма бабкинского круга и тематически близкие мемуарные свидетельства Марии и Михаила Чеховых, тяготеющие к мифотворчеству.

Киселевские письма заставляют увидеть много в обыденном материале жизни и переживания, позволяют размышлять о языке переживания. При соотнесении его с чеховским нас будет преследовать ощущение чужеродности. Инаковость бабкинского образа жизни требует внимания потому, что Чехов, несмотря на почти идеальное несовпадение с Киселевыми, к этому кругу тяготел и так и не порвал с ним вопреки тому, что жизнь уводила его все дальше и дальше. Все Чеховы почти сразу отпали от этого примечательного семейства, а он впоследствии не раз извлекал Киселевых из своей памяти, отправляя им книгу, поздравление, весточку о себе.

Поэтому хорошо бы не просто освоить письма всех персонажей этой истории разорения и продажи с молотка чудесного имения, но предусмотреть возможности для наджанрового подхода. Это продиктовано стремлением прочесть письма не в одном биографическом контексте, а на фоне бытовой прозы того времени. В первом случае, признавая очевидное — любовь Чехова к жанру письма, — мы проецируем этот материал на его творчество. Во втором открываем в этот период, начавшийся с бегства отца в Москву и закончившийся смертью брата Николая, стремление Чехова к оседлости. (Киселевские письма, кстати, сохраняют отзвук и мелиховской жизни.) И каркас этой модели определяют отчасти помещицы, бабкинские,

впечатления и воспоминания. Первым таким, исключительным в сословном отношении, стало знакомство с матерью Андрея Дросси, гимназического товарища Антона, в Таганроге. Ольга Михайловна Дросси (урожд. Калита) владела имением в Полтавской губернии [ЛН-68, 539]. Сумские (конца 1880-х) и алексинские (1891 г.) впечатления дополняют картину.

Чеховская сопричастность миру бабкинских обитателей создает не идеальный, но весомый баланс к историям его дружбы с Н.А. Леиным, А.С. Сувориным, В.А. Гольцевым и т. д., знакомит с семейством, одарившим писателя опытом невольной уединенности детства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вокруг Чехова / Сост., вступ. ст. и примеч. Е.М. Сахаровой. М., 1990.
2. Литературное наследство. Т. 68: Чехов. М., 1960.
3. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 3. М., 1958.
4. Письма А.С. Киселева к А.П. Чехову (1884–1892) // НИОР РГБ. Ф. 331 (А.П. Чехов), к. 47, е.х. 45а–45д.
5. Письма М.В. Киселевой к А.П. Чехову (1886–1900) // НИОР РГБ. Ф. 331 (А.П. Чехов), к. 47, е.х. 48, 48а–48б.
6. Соболев Ю.В. Антон Чехов — неизданные страницы. М., 1916.
7. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М., 1974–1982.
8. [ЧВС] — А.П. Чехов в воспоминаниях современников / Вступ. статья А. Туркова; сост., подгот. текста и коммент. Н. Гитович. М., 1986.

REFERENCES

1. Vokrug Chekhova [Around Chekhov]. Moscow: *Izdatel'stvo Pravda*, 1990. 656 p. (In Russ.)
2. Literaturnoe nasledstvo. T. 68: Chekhov [Literary Heritage. Vol. 68: Chekhov]. Moscow: *Izdatel'stvo AN SSSR*, 1960. 974 p. (In Russ.)
3. Masanov I.F. Slovar' psevdonimov russkikh pisatelej, uchenyh i obshhestvennyh deiatelej: v 4 t. — V. 3 [Dictionary of writers', scholars' and public figures' pseudonyms in 4 volumes — Volume 3]. Moscow: *Izdatel'stvo Vsesoyuznoj knizhnoj palaty*, 1958. 415 p. (In Russ.)
4. Pis'ma A.S. Kiseleva k A.P. Chekhovu (1884–1892) [Aleksij Kiselev's letters to Anton Chekhov (1884–1892)]. Department of Manuscripts, Russian State Library. F. 331 (A.P. Chekhov), k. 47, e.h. 45a–45d. (In Russ.)
5. Pis'ma M.V. Kiselevoj k A.P. Chekhovu (1886–1900) [Maria Kiseleva's letters of to Anton Chekhov (1886–1900)]. Department of Manuscripts, Russian State Library. F. 331 (A.P. Chekhov), k. 47, e.h. 48, 48a–48b. (In Russ.)
6. Sobolev Yu.V. Anton Chekhov — neizdannye stranicy [Anton Chekhov — unpublished pages]. Moscow: *Izdatel'stvo Severnye dni*, 1916. 152 p. (In Russ.)

7. *Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. Pis'ma: V 12 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes. Works: in 18 volumes. Letters: in 12 volumes]. Moscow: *Izdatel'stvo Nauka*, 1974–1982. (In Russ.)
8. A.P. Chekhov v vospominaniyah sovremennikov [Anton Chekhov in the memoirs of his contemporaries]. Moscow: *Izdatel'stvo «Hudozhestvennaya literatura»*. 735 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 12.04.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 15.09.2023

Received 12.04.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 15.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Ахметшин Руслан Борисович — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ahmad-jin@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ruslan Akhmetshin — PhD, Associate Professor, Department of Russian Literature History, Lomonosov Moscow State University; ahmad-jin@mail.ru